Посвящается всем мужчинам и женщинам,
несущим службу в море

EMPEROR OF THE SEAS

Kublai Khan and the Making of China

Jack Weatherford

BLOOMSBURY CONTINUUM
London · Oxford · New York · New Delhi · Sydney

ДЖЕК УЭЗЕРФОРД

ХУБИЛАЙ
ВЛАДЫКА МОРЕЙ

Как внук Чингисхана построил флот и превратил Китай в сверхдержаву

Перевод с английского

АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

Москва
2027

УДК 94 (510) "1215/1294"
ББК 63.3 (5Кит) 4
У97

Переводчик Ольга Чуева
Научный редактор Илья Колнин, канд. ист. наук
Редактор Валентин Рутвен

Уэзерфорд Д.

У97 Хубилай, владыка морей: Как внук Чингисхана построил флот и превратил Китай в сверхдержаву / Джек Уэзерфорд ; Пер. с англ. — М. : Альпина нон-фикшн, 2027. — 484 с.

ISBN 978-5-91671-957-4

Чингисхан создал величайшую империю — однако море оставалось для него непреодолимой преградой: монголы боялись воды. И все же его внук Хубилай-хан, основавший новую китайскую династию, сумел создать самую влиятельную морскую империю своего времени. К концу правления Хубилая китайцы строили невероятные по грузоподъемности, размерам и техническому оснащению корабли, способные преодолевать огромные расстояния, — такие, о каких еще сотни лет Европе оставалось лишь мечтать. Созданная им сеть торговых путей связала побережья от Сахалина до Персидского залива и предопределила ход мировой истории, а совершенные реформы и преобразования дали толчок глобальным переменам.

Книга Джека Уэзерфорда — захватывающее повествование, воскрешающее малоизвестные страницы прошлого, когда океан был главной ареной борьбы за власть, а Китай занимал в этой борьбе господствующие позиции.

УДК 94 (510) "1215/1294"
ББК 63.3 (5Кит) 4

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в интернете и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru

ISBN (рус.) 978-5-91671-957-4
ISBN (англ.) 978-1-39941-773-0

© Jack Weatherford, 2024
© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2027

Оглавление

Предисловие. Золотой век Китая на море. 7
Введение. Странствия Марко Поло 11

I
ХУБИЛАЙ: НАСЛЕДНИК БЕЗ КАЧЕСТВ

1 Монголы вторгаются в Китай 19
2 Оставшийся позади всех 31
3 Братья на двух континентах 46
4 Мункэ становится Великим ханом
и возобновляет монгольские завоевания 57
5 Война от Тихого океана до Средиземноморья 66
6 Пробуждение Хубилая 84

II
ХУБИЛАЙ ОБРАЩАЕТ ВЗГЛЯД К МОРЮ

7 Великая водная стена Китая 107
8 Гонка вооружений начинается с финансирования 124
9 Хубилай создает наступательный флот 134
10 Да Юань, Великое Начало 150
11 Хаос в Японском море 170
12 Упадок перед потопом 187

13 Великий финал империи Сун. 194
14 Флот без отечества 209

III
МОРСКОЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ

15 Черный ветер над Японией 225
16 Рынки, деньги и убийство 251
17 Монголы, затерявшиеся в джунглях
и блуждающие по морям 265
18 Не повезло во Вьетнаме — повезет в Египте 284
19 Монгольская принцесса и ее тигр. 300
20 Хубилай завершает свой век 317

IV
ЗАТИШЬЕ ПОСЛЕ ХУБИЛАЯ И УПАДОК

21 Железный человек и лотос 325
22 От завоеваний к торговле 337
23 Гавани наживы и наслаждений, поэзии
и притворства. 346
24 Прогнившие корабли, обесценившаяся валюта 360
25 Китай отворачивается от моря. 371
26 Волки приходят с дождем 393
27 «Императрица Китая» выходит в море 407

Эпилог. История не знает избранных 425
Исследования и источники. 429
Примечания 433
Предметно-именной указатель 473

Предисловие

Золотой век Китая на море

В 50 километрах к северу от Пекина, на заставе Цзюйюнгуань Великой Китайской стены, там, где проходит граница между Китаем и монгольской степью, высится каменная стела 1342 года. Надпись на ней, начертанная письменностью, введенной Хубилай-ханом, именует этого монгольского властителя «Императором морей и Великим ханом империи»[1].

«Императором морей» монголы — этнос, никогда не имевший выхода к морю, — нарекли своего верховного правителя. Океан для них олицетворял всю вселенную. Насколько мне известно, монголы — единственный народ, который так называл Великого хана. По-монгольски «Император морей» — Далай-хан. Этот титул чеканили на монетах, он указывался на печатях, его использовали в документах и посланиях к европейским королям и римскому папе. Китайские летописи не раз отмечали, что монголы намеревались «подчинить себе всех в четырех морях». Персидский историк Рашид ад-Дин — еврей по происхождению, принявший ислам и достигший огромного влияния в ближневосточной части Монгольской империи, — так поясняет значение этого титула: Великий хан был «императором,

величественным, как океан»[2]. Сам Хубилай говорил о том, что его царствование будет бесконечным, имея в виду и что весь мир окажется под его властью, и что его империя пребудет вовеки.

Монгольский титул «Далай-хан» на разные языки переводили по-разному: Царь Царей, Хан Ханов, Вселенский Властитель, Imperator Omnium Hominum, Weltherrscher, Падшах-и джахан, Хан-и алам[3]. Каждый из этих вариантов отражает лишь одну грань смысла, заложенного в слове «далай», но ни один из них не передает суть этого титула. Когда Хубилай взошел на престол, монголы под предводительством его деда Чингисхана уже захватили огромные территории, создав величайшую в истории империю — но она располагалась на суше. Удивительно, но именно Хубилай первым применил военную мощь своего народа не только на земле, но и на море.

Прежде монголы использовали наименование «Император морей» в символическом, духовном смысле, подразумевая, что их правитель «владыка всего сущего», но при Хубилай-хане переносное значение стало реальностью — его собственной, всей его династии и всего Китая. Сложно поверить, что его народ — степные воины, которыми он правил, — сможет создать могущественный океанский флот, способный составить конкуренцию любому флоту в мире. И все же Хубилай преуспел. Если нанести его завоевания на современную карту, мы увидим, что к концу царствования Хубилай-хан контролировал морские пути от современного Сахалина у тихоокеанских берегов России до Ормуза в Персидском заливе, морское сообщение между Ираном и арабскими землями — Оманом, Саудовской Аравией

и Эмиратами. Ни одно государство не достигало такого могущества ни до, ни после него.

В XXI веке многие с удивлением наблюдают за тем, как Китай превращается в ведущую морскую державу. Реакция Запада колеблется между высокомерным скепсисом и нарастающей тревогой. Китай становится одним из ключевых игроков в мировой политике, и эти перемены воспринимаются как разрыв с исторической традицией, как нечто нехарактерное для континентальной культуры и замкнутого конфуцианского общества. Но удивительный человек, о котором написана эта книга, доказал, что Китай как морская империя отнюдь не феномен современности. Китай был первой морской сверхдержавой в истории.

Введение

Странствия Марко Поло

Пока Хубилай-хан создавал новую династию, на другом краю обитаемого мира вглядывался в морскую даль Марко Поло. Ему в спину дышал жаркий ветер пустыни, шерстяные одежды отяжелели от пота. В 1271 году, когда он покинул родную Венецию, ему еще не было двадцати, и мягкость черт его лица выдавала молодость. Он отправился в странствие вместе с отцом и дядей — те отправлялись в Азию по торговым делам. Марко был их учеником и вел записи. Путешественники пересекли Восточное Средиземноморье, миновали порты Акру и Айяс, а затем двинулись по суше к Ормузу, в устье Персидского залива, где надеялись найти корабль для безопасного плавания через Индийский океан. Их путь лежал в Китай. Но пока их ждало лишь горькое разочарование.

Марко смотрел на Ормузский пролив, который вел к Оманскому заливу, а оттуда открывался путь в Индийский океан и все моря Земли. Он ожидал увидеть цветущий торговый порт, славящийся янтарем, слоновой костью, лошадьми, мускусом и тканями, но перед ним предстал выбеленный солнцем Ормуз с убогими улочками,

беспорядочным нагромождением глинобитных домов и ревниво охраняемыми складами. Марко не верил своим глазам. «Превеликая тут жара; солнце печет сильно; страна нездоровая»[1], — напишет он позже. Мясо и зерно здесь почти не продавали, и местные жители, по его наблюдениям, питались финиками, соленой рыбой и луком.

Монгольская империя была империей суши, и ее граница пролегала по линии берега. Марко знал из рассказов отца, что монголы поощряют торговлю и жалуют иноземным купцам особые привилегии, но лишь теперь понял: могучие монголы боятся воды. Покорив большую часть Ближнего Востока, они не стали занимать персидское побережье и основали новую столицу в Тебризе, на севере Ирана, близ границы с современным Азербайджаном — в краю горных пастбищ с умеренным климатом и плодородных долин, словно созданных, чтобы их кони были сыты.

Но настоящее потрясение юный Марко Поло, выросший подле оживленной венецианской гавани, испытал, когда увидел ормузские корабли. «Суда у них плохие, — сетовал он при виде горстки утлых дау, покачивавшихся в порту. — И немало их погибает, потому что сколочены они не железными гвоздями, а сшиты веревками из коры индийских орехов», — это волокно он описывает как «бечеву из скорлупы индийского ореха». Он сразу понял, насколько такие корабли ненадежны. «Суда не осмолены, а смазаны рыбьим жиром, — удивлялся он. — У судов одна мачта, один парус и одно весло; они без покрышки [палубы]. Нагрузят суда и сверху товары прикроют кожею, а на это поставят лошадей, которых везут на продажу в Индию».

Марко знал Средиземное море, где от одного острова до другого было не более дня пути. Теперь же он понял,

насколько опаснее открытый океан с его бескрайними просторами, огромными волнами и яростными ветрами. «Плавать в таких судах опасно; бури в Индийском море часты, и много их гибнет»[2].

Прежде отец и дядя Марко уже бывали в Китае и вернулись в Венецию — такие путешествия стали возможными благодаря почтовой системе Чингисхана, которая называлась ортоо (*örtöö*), или ям (*yam*). На всех захваченных территориях монголы проводили перепись населения и расставляли посты на расстоянии примерно в 50 километров друг от друга. Посты не только обеспечивали гонцов, которые проделывали в день путь в 150–300 километров, лошадьми, снаряжением и провиантом. Купцы тоже могли найти там кров, пополнить припасы и воспользоваться услугами менялы. Но главное: посты обеспечивали защиту, гарантируя безопасный путь от одного до другого.

Так впервые в истории Чингисхан, создав единую систему сообщения, связал Восток и Запад — от Тихого океана до Средиземного моря. Это было поразительное достижение, но эта система действовала исключительно на суше — империя Чингиса никак не задействовала море. Так что для семьи Поло выбор был очевиден.

Вместо путешествия по морю, на которое они рассчитывали, трое итальянских купцов — Марко, его отец и дядя — двинулись вглубь материка по безопасной монгольской сети ортоо, которая вернула к жизни и расширила Шелковый путь. Им предстояло длительное странствие пешком и верхом на лошадях и верблюдах. Под неусыпной охраной монгольских воинов они благополучно пересекли внутреннюю часть Евразии, следуя по путям караванов от одного торгового поста к другому. Путешествие заняло почти три года.

Они прибыли в Китай накануне 1275 года и направились к воротам, ведущим во дворец Хубилай-хана.

В 1294 году, возвращаясь домой после почти двадцати лет странствий, постаревший закаленный Марко Поло во второй и последний раз в жизни оказался в порту Ормуза — но теперь он плыл на одном из созданных по последнему слову техники изящных кораблей величественной флотилии. Долгий путь в Венецию начался в Цюаньчжоу. Оттуда Марко спустился вдоль берегов Вьетнама, прошел через Острова пряностей в Индонезии, повернул на север к Малаккскому проливу, пересек Бенгальский залив до Шри-Ланки, проследовал вдоль западного побережья Индии, миновал Аравийское море, Оманский залив — и теперь наконец вернулся в гавань Ормуза. Обратное путешествие по морю длиной в 11 000 километров заняло два года. Теперь он разместился в плавучем дворце как гость при дворе Хубилая, с удобствами расположившись в отдельной каюте, а палубы ломились от китайских шелков и фарфора, мускуса и лекарственных снадобий, драгоценных пряностей из Индии, Цейлона и Явы. За какие-то двадцать лет под властью Хубилай-хана мореплавание преобразилось, и теперь он посылал флотилии китайских джонок — крупнейших и самых технически совершенных судов той эпохи — через полмира.

Среди монголов высочайшей особой, находившейся на флагманском корабле флотилии, доставлявшей венецианских купцов домой, была принцесса Кокечин*. Она покинула родину с богатейшим приданым — шелками,

---

* Хөхөхчин, Kököchin, Cocacin или Kūkājīn в различных источниках. — *Прим. авт.*

Карта 1. Империи Южная Сун (1127–1279) и Цзинь (1115–1234)

самоцветами и тигром, — чтобы обвенчаться с тем, кого никогда прежде не видела. Внушающих доверие портретов принцессы не сохранилось, но в монгольской поэзии того времени прекрасных цариц описывали как «луноликих дев» с огнем во взоре и пламенем в ланитах. Свиту принцессы составляли китайские сановники, персидские послы и сам Марко Поло — человек средних лет, проживший половину жизни в Китае. Воспоминания, которые он позднее напишет о своих странствиях, вдохновят целые поколения европейских первооткрывателей. Теперь, изучая прошлое, мы находим в его сочинениях сокровища, о существовании которых он сам едва ли подозревал: общую картину того, что Хубилай-хан смог достичь за эти двадцать лет. Хубилай построил крупнейший в мире флот, с помощью которого объединил Китай. Созданная им торговая сеть простиралась от арктических вод Тихого океана до тропических берегов Южного Китая. Он заложил основы совершенно нового мирового порядка и торговли, базирующиеся на морском могуществе. Благодаря Хубилаю история начала развиваться не только на суше, но и на море.

I

ХУБИЛАЙ: НАСЛЕДНИК БЕЗ КАЧЕСТВ

С небесным предначертанием Синий Волк
и Прекрасная Лань переплыли море
и поселились у горы Бурхан-Халдун.

Зачин «Сокровенного сказания монголов»

1

Монголы вторгаются в Китай

Предание о Хубилае начинается в 1211 году у заставы Цзюйюнгуань — за четыре года до его рождения. Всего в 50 километрах к северо-западу от будущего Пекина — города Чжунду, столицы империи Цзинь, располагались врата в сердце Китая[1]. Историю жизни Хубилая предваряет поход, который замыслил его дед: переход через пустыню Гоби и спуск на обширные китайские равнины, где и предстояло определиться судьбе еще не родившегося внука. Осень выпила последние краски из летних трав, зимний ветер начал сковывать озера льдом, и Чингисхан, великий завоеватель, готовил воинов и коней к путешествию к Гоби. Лошади нагуляли силу, кормясь и бегая на летних пастбищах. Теперь наступил октябрь, самое время выступать в зимний поход.

Утром, когда выпал первый снег, монгольские воины катались в нем нагишом, закаляясь перед грядущими холодами. В морозную пору — время охоты и набегов — монгольское войско двигалось стремительно. Знамена, которые Чингисхан называл очами своей армии, трепетали на ледяном ветру. На особых повозках гремели огромные барабаны

из бычьей кожи — уши войска — отбивая ритм, чтобы всадники не теряли друг друга на бескрайних просторах, когда двигались на юг через открытую взору каменистую равнину и барханы пустыни Гоби. Для степных наездников, привыкших к плодородным пастбищам, эта земля была чужой, и потому они денно и нощно благословляли свои знамена и воздавали им почести, принося в жертву кумыс. По ночам шаманы били в малые барабаны, издавая звуки, похожие на стук копыт, — так они поднимали армии духов-коней, и те обращались к другим духам, населяющим эти места, испрашивая для монголов дозволения пройти.

Чтобы спуститься с плоскогорья, монгольские всадники медленно и осторожно пробирались по крутым склонам — где могли, ехали верхом, а где приходилось, спешивались и вели коней на поводу. Достигнув подножия, монголы очутились наконец на северокитайских равнинах — в неведомом им краю легендарных богатств. Эти земли монголы называли Китай (Kitai), Марко Поло записал это слово как Катай (Cathay). Название это произошло от наименования родственного монголам народа китаи*, который властвовал здесь при династии Ляо (916–1125), пока их не вытеснила династия Цзинь (1115–1234).

Сотни громыхающих повозок, мычащих волов и несущихся вперед лошадей заставляли землю содрогаться. Монголы наводили ужас на всех, кто их видел, — от Кореи до Венгрии. Лошади у них были невысокие, а сами монголы любили ездить стоя: остроносые сапоги из воловьей кожи крепко упирались в деревянные стремена. В таком положении, облаченные в массивные дэгэлы, или дэли — так

* В иной транскрипции — кидани. — *Прим. ред.*

они называли свои тяжелые шерстяные халаты, — в сапогах до колен и широких меховых шапках, они казались куда крупнее, чем были на самом деле. У монгольских воинов была белая кожа и широкие лица с ярко-алыми щеками. Макушку они выбривали от вшей, но над каждым ухом оставляли по длинной косе. Короткая челка доходила до середины лба, но, чтобы она не соединялась с косами, ее подбривали с обоих боков. Эта прическа, практичная для кочевых воинов, на поле боя придавала им — осознавали они это или нет — почти демонический облик.

Всадник и конь были единым целым. Как гласит старинная пословица: монгол без коня, что птица без крыльев. Человек и лошадь чувствовали каждое движение мышц друг друга. И, даже если не учитывать впечатление, которое производила внешность монгольского воина, он, стреляющий из лука на полном скаку, становился смертоносным и почти непобедимым оружием — боевой машиной, которой не было равных вплоть до изобретения современного танка.

Мусульманские источники описывают возглавлявшего эту армию Чингисхана так: «Мужчина высокого роста, могучего сложения, крепкий телом, с редкой седой бородой, кошачьими глазами, исполненный великой силы, проницательности, таланта и мудрости». В битве же, сообщали они далее, он «внушал трепет, сокрушал врагов, был безжалостен, точен, бесстрашен, кровожаден и жесток»[2]. Чингисхан пришел не для того, чтобы завоевать новые земли. Он явился грабить богатые города империи Цзинь, управляемой Золотым Ханом — так монголы называли императора Северного Китая, — и захватить контроль над приносящем прибыль Шелковым путем, связывавшим Китай с остальной Евразией.

Чингисхан понимал: его войско едва ли сможет взять штурмом стены городов и мощные крепости империи Цзинь. Как всегда, монголы, уступавшие врагу числом, полагались не на грубую силу, а на стратегию и внезапность[3]. Первым приемом стала военная хитрость. Полководец Чингисхана Джэбэ с небольшим отрядом приблизился к первой цзиньской заставе, и его кавалерия атаковала крепостные ворота. Но сражались вполсилы, а после развернулись и поспешно отступили, оставляя оружие, фляги, провиант — все, что представляло для солдат ценность.

Опьяненные легкой победой, защитники крепости высыпали наружу и бросились вдогонку за разбегавшимися в разные стороны монгольскими налетчиками, подбирая разбросанную по полю добычу, — и слишком поздно заметили, что с двух сторон к ним приближаются основные силы монгольского войска. Застигнутые врасплох цзиньские воины растерялись, были дезориентированы, и монголы, одержав быструю победу, ворвались в неприступную крепость, которая теперь принадлежала Чингисхану[4]. Многие цзиньские солдаты перешли на его сторону, особенно китаи, народ, два века правивший Северным Китаем — вплоть до 1125 года, когда он был покорен империей Цзинь. Для китаи присоединиться к монголам, говорившим на языке, родственном их собственному, значило получить шанс отомстить цзиньским поработителям.

Тем временем там, где ныне находится Внутренняя Монголия, монгольские кони перешли по льду узкую реку Шанду и внезапно появились у стен небольшой укрепленной заставы Хуаньчжоу — близ тех мест, где Хубилай впоследствии воздвигнет свою легендарную летнюю столицу Ксанаду[5].

Войско остановилось перед стенами. Защитники уже были предупреждены о монгольской уловке с притворным бегством и не дали бы себя обмануть. Стены были земляные и невысокие, но монголы не могли преодолеть их верхом. Их пришлось бы штурмовать, а монголы ненавидели спешиваться, особенно чтобы карабкаться на земляные преграды под градом стрел. На штурм обычно в наказание отправляли провинившихся. Как гласит «Сокровенное сказание монголов», несчастный должен был «карабкаться на городские стены, словно на горы, пока не облупит себе ногтей на всех десяти пальцах»[6].

Оказавшись перед стенами и рвами Хуаньчжоу, воин по имени Субэдэй вспомнил, как мальчишкой карабкался по скалам, взбирался на утесы, прыгал через расщелины и дрался врукопашную в горах. Он повел за собой десяток смельчаков — они соскочили с коней и взлетели на стену прежде, чем опешившие защитники успели опомниться.

С того дня этого простого воина стали величать Субэдэй-баатур — Субэдэй Герой, Субэдэй Доблестный. Монголы учли полученные уроки и создали особые отряды скалолазов, которые сыграют важную роль при покорении Кавказа, северного Ирана и Аламута — твердыни ассасинов[7]. Такая способность подстраиваться под обстоятельства была одной из сильнейших сторон монголов — и это одна из ключевых тем настоящей книги.

Важнейшие сведения об этом сражении — как и о многих событиях этой книги — дошли до нас в записях очевидцев. И это были не ученые мужи. «Сокровенное сказание монголов» — родовая хроника, завершенная вскоре после смерти Чингисхана, составлена его приемным братом-татарином Шиги-Хутуху. Он педантично собрал воедино

отрывки монгольских преданий и собственные наблюдения за годы жизни в семье монгольских правителей. Как отмечает один из исследователей: «В “Сокровенном сказании” мы не найдем ни героической романтики современных европейских сочинений о монголах, ни характерных для восточных историков панегириков и славословий. Перед нами рассказ в истинно монгольском духе, поражающий своей грубой, почти варварской правдивостью»[8].

В «Сокровенном сказании» внешность героев почти не упоминается. Чингисхан запретил описывать и как-либо еще запечатлевать свой облик. После его смерти Шиги-Хутуху, ставший верховным судьей монголов, записал события и речи той эпохи, однако текст был сухим. Лишь три поколения спустя, благодаря чужеземцам вроде Марко Поло, появляются описания внешности — только тех, кого они видели своими глазами. С приходом к власти Хубилай разрешил писать свои портреты. Но как выглядели люди предыдущих поколений, осталось загадкой — скупая информация о них чаще призвана внушить ужас врагу, нежели сообщить достоверные сведения.

Один из врагов, чьи слова приводит «Сокровенное сказание», описывает Субэдэя и его воинов как существ со сверхъестественной силой: «У этих четырех псов лбы — бронзовые, морды — как долото, языки — что шила, сердца — железные, а плети — мечи. Питаются росою, а ездят верхом на ветрах. Во время смертных боев едят они мясо людей, а на время схваток запасаются для еды человечиной. Это они сорвались с цепей и ныне, ничем не сдерживаемые, ликуют и подбегают, брызжа слюной»[9]. Этому простому охотнику суждено было стать величайшим из полководцев Чингисхана и, возможно, одним из лучших военных стратегов в истории[10].

Войско Чингисхана, насчитывавшее от 50 000 до 100 000 всадников в зависимости от времени года, без труда разгромило 150 000-ную армию Цзинь. Прорвав слабую оборону Хуаньчжоу, монголы открыли себе прямую дорогу к столице. Весной 1214 года, окончательно сокрушив силы Цзинь и захватив Чжунду, Чингисхан подчинил себе Шелковый путь и единолично контролировал всю сухопутную торговлю Китая.

Вопреки советам умнейших сановников, трусливый цзиньский император, которому Чингисхан милостиво сохранил жизнь, на следующий год бежал из столицы и перенес двор на 800 километров к югу, в Бяньцзин (Кайфэн), полагая, что там монгольское войско до него не доберется. Для Чингисхана это было явной изменой и нарушением обещания покориться. Больше Чингисхан никогда не миловал побежденных государей. До конца своих дней он следовал правилу, которое сам поэтично сформулировал: «Мукули мускули угэй болкан»[11] — «Крушить и истреблять, пока никого не останется». Ни один вражеский правитель не должен был спастись, как бы долго ни пришлось монгольским воинам его преследовать.

На следующий год Чингисхан вернулся к Чжунду и в июне 1215 года — в месяц Лошади года Свиньи — вновь захватил его. На сей раз он удержал город. Теперь его стратегия изменилась: не грабительские набеги, а завоевание и покорение. Монгольская буддийская летопись XVII века «Золотое сказание» подводит итог: «...Чингис-хаган, начав с [владения] народами пяти цветов и четырьмя чужими, стал обладателем трехсот девяноста одного племени Джамбутиба, брал налоги и дань с народов семисот двадцати языков»[12].

В Южном Китае — богатейшей и самой развитой империи того времени — сунские сановники настороженно наблюдали за схваткой двух северных войск — монгольского и Цзинь. Империя Сун, разгромленная, оттесненная на юг и терпящая постоянные нападения со стороны северной Цзинь, благоволила к монгольским выскочкам, видя в них орудие возмездия. Теперь сунский двор мог смотреть со стороны, как грызутся между собой два северных волка. После падения Чжунду посланник со злорадством сообщал начальству: после монголов цзиньская столица осталась «оплавленной и разрушенной, разгромленной и почти стертой с лица земли»[13]. После того как Чингисхан оттеснил Цзинь к югу, Китай разделился на три части. Старая китайская бюрократическая империя Сун занимала самую обширную территорию, лежащую преимущественно к югу от Янцзы. Могущественные монголы захватили север. А между ними, от Хуанхэ до Янцзы, как буферное государство, теснилась ослабленная, но все еще грозная Цзинь.

Одно природное препятствие ставило монгольское войско в тупик: реки. Чингисхан не хотел вести войну южнее Хуанхэ — великой реки, пересекающей весь Китай: она отрезала бы его от родных земель, и он мог стать слишком уязвимым. Китайские реки, текущие с запада на восток, оказались для монголов куда более серьезной преградой, чем любые стены. Китайская кампания затянулась. В 1217 году Чингисхан увел часть войска в Среднюю Азию за более легкой добычей и в итоге дошел до самого Афганистана. Но в Китае он оставил значительную армию под началом полководца Мухали из племени джалаиров и впервые пожаловал одному из своих военачальников китайский титул, назвав того гойон, или гован (*guiong*, в китайской

транскрипции *guowang*) — князь государства, или наместник[14]. Несмотря на этот пробный шаг навстречу китайским обычаям, ни Чингисхан, ни Мухали не создали администрацию и не основали новую династию. Они оставили китайское руководство, но теперь управление происходило под монгольским гнетом и военным контролем.

Хотя монголы боялись рек, никто не мог сравниться с ними в умении вести бои на льду. Внезапное появление монголов посреди зимы сеяло ужас среди ничего не подозревавшего населения — от Дуная на западе до Гималаев на юге и вдоль всех рек Китая. За последнее десятилетие жизни Чингисхан, во многом благодаря военному гению Субэдэя, подчинил себе огромную «зимнюю зону» Евразии, в которую входили Корея, Маньчжурия, Тибет, Афганистан, Кавказ, Сибирь и большая часть северного Китая. Горы и пустыни не таили для монголов никаких сложностей.

В сентябре 1215 года, когда Чингисхан захватил будущий Пекин, его невестка Сорхахтани — супруга его младшего сына Толуя, христианская княжна из недавно покоренного племени кереитов, женщина удивительных дарований, широкого кругозора и огромного влияния — родила Хубилая. Хубилай появился на свет в год Свиньи, тогда как его брат Мункэ родился шестью годами ранее, в начале 1209-го, в последний месяц года Дракона — что было куда более благоприятным знаком.

Хубилай родился, когда монголы только начинали покорять Китай. В те судьбоносные месяцы захвата и разграбления цзиньской столицы монгольские летописи не упомянули о его рождении — событие прошло без торжеств и осталось почти незамеченным за пределами семьи.

Мункэ получил имя от самого Тэб-Тенгри, верховного шамана при дворе Чингисхана. Кто нарек именем Хубилая и что оно означало — неизвестно. Никто не счел нужным это записать. Но высокая честь, оказанная Мункэ, чье имя обладало духовной силой, несла в себе и проклятие, которого никто не распознал. Шаман оказался вовлечен в ожесточенную ссору с матерью Чингисхана и его младшим братом вскоре после того, как дал имя младенцу. Жена Чингисхана Бортэ встала на сторону свекрови, и в результате неслыханной для двора стычки младший брат Чингисхана переломил шаману хребет. Придворные бросили его на бесславную смерть в одиночестве посреди степи. Таков был жестокий мир монгольской придворной политики. Возможно, Сорхахтани не зря держала происхождение имени Хубилая в секрете.

Хубилай рос при матери, под присмотром кормилицы, а Мункэ часть детства провел в ставке Угэдэя — самого добродушного и покладистого из сыновей Чингисхана, предполагаемого наследника престола. Угэдэй отдал Мункэ на воспитание одной из своих бездетных жен и приставил к нему наставника-мусульманина. Так Мункэ — старший брат и знатный заложник — вырос при монгольском императорском дворе, а Хубилай — в далеких краях Восточной Монголии и Северного Китая, в безопасности, вдали от придворных интриг и козней.

Сорхахтани выбрала для младенца Хубилая кормилицу из тангутов — недавно покоренного малого царства буддистов тибетского толка, расположенного в северо-центральном Китае. Хотя Сорхахтани происходила из христианской семьи, в юности она некоторое время жила среди буддистов-тангутов, когда ее отец находился там в изгнании

по политическим причинам. Это обусловило ее более широкий взгляд на мир, чем у большинства степных монголов. Помимо тангутской няньки, как только Хубилай подрос и смог начать обучаться, она пригласила ко двору китайских учителей.

Хотя Мункэ и Хубилай родились от одного отца и были выношены в одной утробе, они не стали ни друзьями, ни соперниками. Они росли порознь, но судьбы их оставались тесно переплетены 45 лет — Мункэ на виду, Хубилай в тени. Мункэ снискал славу во многих кампаниях, о Хубилае же в годы величайших монгольских завоеваний почти ничего не известно. Вернувшись в Монголию из среднеазиатского похода против хорезмшаха, Чингисхан впервые увидел внуков — Мункэ и Хубилая. В этот момент девятилетний Хубилай на мгновение ступил на подмостки мировой истории в роли незаметного спутника своего брата-подростка Мункэ, уже тогда харизматичного, ловкого и прекрасно обученного — именно такого, каким следовало быть монгольскому юноше. Чтобы встретиться с дедом и отцом, братья прибыли к реке Или близ нынешней границы Китая и Казахстана. В тот день Мункэ подстрелил антилопу и зайца — подношение деду. Приняв дары, Чингисхан помазал средние пальцы обоих мальчиков жиром убитых животных — согласно традиции, благодаря чему они должны были стать меткими лучниками. После этой короткой встречи Хубилай вновь исчезает из летописей, возвращается в Восточную Монголию, а повествование следует за кочевой воинской ставкой его деда.

Возможно, из-за загадочного замечания Чингисхана, что Хубилай был не похож на настоящего монгола, Сорхахтани особенно усердствовала в образовании сына. Он увлекался

философией и книжной премудростью. Кормилица приобщила его к буддийской мистике и поверьям. При космополитичном кочевом дворе матери он, должно быть, слышал множество языков — китайский, уйгурский, тибетский, даже сирийскую литургию на раннем арамейском языке — языке Библии и веры его матери. В юности Хубилай знакомился со всем, с чем мог: немного изучал разные религии, беседовал с учеными мужами о смысле жизни и добродетели, охотился и пил вино. Его интересовало все, что не требовало больших физических усилий. А война их как раз требовала.

Чингисхан встретился с внуком уже на закате своей жизни. Смерть настигла его в 1227 году во время похода против тангутов — народа, из которого происходила няня Хубилая, — в землях у Хуанхэ на северо-западе Китая.